

Александр РОДИН

ВЛАСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

В статье рассмотрены отношения власти и социального контроля в коммуникационном пространстве России, выявлены три уровня социального контроля: центральный, региональный и локальный. Сделан вывод о необходимости смещения социального контроля из сферы прямого воздействия власти в область косвенного регулятивного влияния.

In the article relations between the authority and the social control in the communication field of Russia are studied. Central, regional and local levels of the social control are discovered. The conclusion was made about the necessity of the social control's replacement from the sphere of the authority's direct impact to the zone of indirect regulatory influence.

Ключевые слова:

российское общество, кризис сферы социального контроля, коммуникационное пространство, социальный институт; Russian society, crisis of the social control sphere, communication field, social institution.

В современный период развития российского общества, отмеченный состоянием качества нового коммуникационного пространства, когда принципиально меняются властные механизмы его устройства и функционирования, правомерно ожидать повышенного внимания социальной философии к проблемам социального контроля, выступающего легитимной формой влияния власти на происходящие социальные процессы. Существует мнение об определённом кризисе сферы социального контроля как одного из способов саморегуляции социума. Здесь выделяются проблемы, связанные с защитой прав и свобод человека, бюрократизацией структур и государственного управления, низкой степенью доверия граждан к отдельным институтам власти. Анализу взаимоотношений власти и социального контроля в коммуникационном пространстве российского общества и посвящена эта статья.

Социальный контроль в коммуникационном пространстве России

Понятие «социальный контроль» связывают обычно с организованным воздействием властных структур общества, его институтов на поведение человека с целью поддержания социального порядка. Наличие и эффективность социального контроля в России становятся как для власти, так и для населения некими индикаторами результативности действий правительства, характеризующими прочность и «износостойкость» новой институциональной структуры общества.

Эффективная реализация социального контроля осуществляется, в первую очередь, посредством социальных норм, ценностей, идеалов, т.е. через призму стандартов деятельности (личностных, правовых, институциональных), оценки на их основе реальной деятельности человека и последующего её коррелирования с данными стандартами во множестве различных форм социальных санкций (правовых, административных, моральных и др.). Последнее означает, что социальный контроль опирается на юридиксизм как технологическое средство, акцентирующее правовую сторону рассматриваемого явления.

Не ставя своей целью подробный анализ интернальных и экстернальных (эндогенных и экзогенных) факторов генезиса социального контроля в процессе перехода от традиционного состояния российского общества к цивилизационным состояниям и формам

РОДИН Александр Васильевич – аспирант кафедры методологии науки и прикладной социологии МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск.

(индустриальному, постиндустриальному и коммуникационному обществу), в контексте заявленной проблематики следует отметить, что сегодня фокус рассмотрения социального контроля переносится в плоскость гуманитаризации различных общественных практик.

Общее направление российских социальных практик определяется движением от плановой экономики к рыночной и от авторитаризма к демократии. Социокультурная специфика России связана с господством в ней особой модели взаимоотношений общества, личности и власти. Однако общественное сознание в сегодняшней России не монолитно, и в этом плане правы те авторы, и прежде всего А. Ахиезер¹, которые говорят о противоречии традиционалистского и либерального начал как базовой характеристики российского общества. Положение осложняется наличием глубокого раскола между властью и обществом. Само понятие «власть» в этих условиях сводится к её персональным носителям, их личным качествам и характеристикам. Данная ситуация развивается в контексте конкретно-исторической реальности, которую сегодня переживает российской общество. В частности, в современном российском обществе активизируется формирование нового коммуникационного пространства, способствующего преодолению границ государственных субъектов и образованию транснационального коммуникационного пространства. В становлении коммуникационного пространства особую роль играет фактор позитивных перемен.

Процесс интенсификации коммуникаций не заканчивается становлением глобального коммуникационного пространства и не сводится к нему. Коммуникация развертывается во многих сферах, и прежде всего в технико-технологической, внося изменения в средства хранения, обработки и передачи информации, она изменяет инфраструктуру связи, компьютеризирует, телефонизирует, интернизирует общество. В таком контексте «коммуникация создаёт предпосылки для углублённого понимания движущих сил развития личности, общества», — подчеркивает М. Э. Рябова².

¹ Ахиезер А. С. Россия. Критика исторического опыта: (социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. — 3-е изд. доп. — М.: Новый хронограф, 2008.

² Рябова М. Э. Человек как субъект усложняющихся коммуникаций // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион, 2008, № 1, стр. 53.

В коммуникационном пространстве происходят серьёзные изменения в осуществлении социального контроля. Их можно охарактеризовать, используя терминологию И. Валлерстайна, как «конец знакомого мира»³. Коммуникация как материальный процесс состоит в создании глобальной инфраструктуры. Коммуникационные технологии проникают во все сферы общественной жизни, но наиболее заметно их влияние в политике. На рубеже XX—XXI вв. общественно политический лексикон обогатился понятиями «электронное правительство», «компьютеропосредованная политическая коммуникация», «киберполитика», «кибердемократия», «коммуникационная демократия» и др. Хотя российское коммуникационное пространство продолжает пребывать в состоянии «догоняющего развития», расстояние между «Ахиллесом» и «черепахой» (вспомним знаменитую апорию Зенона) в последние годы сократилось и продолжает уменьшаться. М. С. Вершинин⁴ отмечает: «Активно внедряясь в сферу политики, новые информационно-коммуникационные технологии не только качественно изменили старые представления, установки, стереотипы, но и сломали многие формы поведения, модели взаимоотношения между политическими институтами и индивидами». Из этой цитаты вытекает важный вывод, что на сегодняшний день ставится главная экзистенциальная задача: выжить в принципиально новых условиях, войти в мировую систему в качестве самостоятельного общества, способного сохранить жизнеспособность в динамичном глобализирующемся мире.

В сфере взаимоотношений «власть — личность — социальный контроль» коммуникация вносит изменение в содержание самой деятельности, представляет собой интеллектуально-гуманистическую перестройку жизнедеятельности человека и общества на основе использования коммуникации как ресурса развития, что само по себе представляет сложный и порой противоречивый процесс. Специфика реформирования российского общества обусловливает определение общих черт и свойств той модели социальной организации, в соответствии с идеалами которой

³ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. — М., 2004.

⁴ Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. — СПб., 2001, стр. 6.

идёт поступательное движение социума, осуществляются прогрессивные социальные трансформации.

Проблема уровней в социальном контроле

Р. Парк¹ понимал социальный контроль как целенаправленное влияние общества на поведение индивида, обеспечивающее нормальное соотношение между социальными силами, ожиданиями (эспектациями), требованиями и человеческой природой. Следствием этого являются иерархически организованные «социальные порядки», образующие пирамиду, «основанием которой служит экологический порядок, а вершиной — моральный».

Теория власти, предложенная политической наукой, выделяет четыре уровня власти: мега- (международные, межгосударственные объединения), макро- (государство), мезо- (субъекты государства) и микроуровни (муниципии). Однако проблему уровней запутывает представление о том, что «макромасштаб примерно соответствует государственному или крупнорегиональному таксономическому уровню, мезомасштаб — уровням от группы экономических районов до области, микромасштаб — уровням не выше областного»². Обращает на себя внимание в этой цитате смешение уровней: крупный регион относится здесь и к макро-, и к мезоуровням, а область — и к мезо-, и к микроуровням. Возникает противоречие: начиная с какого из описанных уровней возможно говорить о социальном контроле как общественном процессе и социальном контроле как средстве управления властей? В связи с этим закономерно появляется следующий вопрос: каково должно быть число управляемых объектов на каждом уровне социального контроля?

Возможно, выявленное противоречие является существенной причиной крупного недостатка институциональной системы социальных практик России — слабого контроля за соблюдением установленных норм и правового принуждения социальных субъектов к их выполнению. Следствием этой ситуации служит всё расширяющийся разрыв между формально-правовой базой социальных ин-

ститутов и теми социальными практиками, в которых они реализуются. По мнению многих учёных³, в России происходит процесс институционализации неправовых (теневых и криминальных) практик, угрожающих перерождению сущности социального контроля.

Учитывая основной аспект рассматриваемой проблематики — существование коммуникационной экспансии на всех фронтах (социальном, технологическом, культурном и т.д.) — необходимо оценить угрозы, порождаемые коммуникационным пространством. В первую очередь можно выделить два основных объекта распространения данных угроз: личность и государство. Однако социальный контроль, осуществляющий также функцию социальной защиты, не нацелен на предотвращение данных опасностей и угроз: обычный человек может быть жертвой недобросовестных или просто равнодушных чиновников, авантюристов, мошенников, фирм, предоставляющих некачественные услуги, распространения заведомо ложной или неполной информации по каналам социальной коммуникации, а также может стать объектом манипуляции со стороны политических партий и т.п.

Обратная сторона широкого использования коммуникационных технологий таит опасность практически тотального социального контроля. Перехват писем, сбор частной информации о человеке, нарушение личного пространства, анализ мест посещения данного субъекта в коммуникационной сети, «выкладывание» различных, в том числе и недостоверных, данных позволяет манипулировать отдельным человеком и целыми группами людей.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что коммуникационное пространство в России имеет противоречивую природу и воплощает в себе дуальную оппозицию «старое — новое», служит одновременно продуцирующим социальный прогресс фактором и фактором, сдерживающим чрезмерно быстрые социальные изменения.

¹ Парк Р. Экология человека // Теория общества. Фундаментальные проблемы. — М., 1999, стр. 398.

² Полян П.М., Трейвиш А.И. Территориальные структуры в науке и практике. — М., 1988, стр. 13.

³ См.: Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневое общество. — М., 2000; Заславская Т.И., Шабанова М.А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования, 2002, № 6.